

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКОВ СТИЛЕЙ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ

О.А. СЫЧЕВ^а, И.В. АНОШКИН^б

^а Алтайский государственный педагогический университет, 656031, Россия, Алтайский край, Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

^б Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), 295007, Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4

Russian-Language Versions of Inventories Measuring Styles and Effectiveness of Conflict Resolution in Close Relationships

O.A. Sychev^a, I.V. Anoshkin^b

^a Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Str., 656031, Barnaul, Russian Federation

^b V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Akademika Vernadskogo Ave., 295007, Simferopol, Russian Federation

Резюме

Представлены результаты разработки русскоязычных версий двух методик, предложенных Л.А. Курдеком для анализа особенностей решения конфликтов в близких отношениях: «Опросника неэффективного решения конфликтов» (Ineffective Arguing Inventory) и «Опросника стилей решения конфликтов» (Conflict Resolution Style Inventory). Теоретической основой методик являются результаты исследований, раскрывших важную роль конфликтов в устойчивости семьи и охарактеризовавших непродуктивный паттерн конфликтного поведения. На выборке из 415 человек (43% мужчин) в возрасте от 18 до 66 лет ($M = 28.02$; $SD = 8.05$), состоящих в добрачных (45%) или супружеских (55%) отношениях, была подтверждена факторная структура методик с помощью конфирматорного факторного анализа, а также получены

Abstract

The article presents the results of the development of Russian-language versions of two inventories proposed by L. A. Kurdek to assess the conflicts in close relationships: The Ineffective Arguing Inventory and the Conflict Resolution Style Inventory. The theoretical basis of these inventories is the result of studies that have revealed the important role of conflict in the stability of the family and described the unproductive pattern of conflict behavior. In a sample of 415 people (43 % men) aged 18 to 66 years old ($M = 28.02$; $SD = 8.05$) in premarital (42%) or marital (58%) relationships the factor structure of the questionnaires was confirmed using confirmatory factor analysis, as well as acceptable internal consistency coefficients of the scales were

данные о приемлемой внутренней согласованности шкал. О валидности предложенных методик свидетельствуют ожидаемые связи неэффективного решения конфликтов и трех шкал стилей (позитивного, вовлекающегося и отстраняющегося) с показателями частоты конфликтов в паре, удовлетворенности отношениями, стиля привязанности, эмпатии и склонности к прощению. Четвертый стиль решения конфликтов (уступчивый) показал слабые корреляции лишь с некоторыми критериями валидности, что отражает значительно менее важное место этого стиля в конфликтах добрачных и супружеских пар. Связи стилей и эффективности решения конфликтов с возрастом и продолжительностью отношений не обнаружены, слабые гендерные различия (в пользу женщин) проявляются лишь в оценке склонности к позитивному стилю решения конфликтов. Предложенные методики могут принести пользу в будущих исследованиях конфликтов в близких отношениях, а также в психопрофилактической и консультационной работе.

Ключевые слова: супружеские конфликты, стиль решения конфликтов, стиль привязанности, удовлетворенность отношениями, прощение, эмпатия.

Сычев Олег Анатольевич — старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел, Алтайский государственный педагогический университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология мотивации, позитивная психология, психометрика. Контакты: osn1@mail.ru

Аношкин Игорь Владимирович — доцент, кафедра социальной психологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология межличностных отношений, позитивная психология. Контакты: iva105@mail.ru

obtained. The validity of the questionnaires is proved by the expected correlations of ineffective arguing and three conflict resolution style scales (positive, conflict engagement, and withdrawal) with indicators of the frequency of conflicts in a couple, relationship satisfaction, attachment style, empathy, and forgiveness. The fourth conflict resolution style (compliance) showed weak correlations with only some validity criteria, which reflects a less important role of this style in the conflicts of premarital and married couples. Correlations of conflict scales with age and duration of relationships were not significant, weak gender differences were revealed only in the tendency to a positive style of conflict resolution (higher in women). The proposed inventories can be useful in future studies of marital conflict, as well as in preventive and counselling work.

Keywords: marital conflicts, conflict resolution style, attachment style, relationship satisfaction, forgiveness, empathy.

Oleg A. Sychev — Senior Research Fellow, Research Department, Altai State Pedagogical University, PhD in Psychology. Research Area: psychology of motivation, positive psychology, psychometrics. E-mail: osn1@mail.ru

Igor V. Anoshkin — Associate Professor, Department of Social Psychology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Psychology. Research Area: psychology of interpersonal relationships, positive psychology. E-mail: iva105@mail.ru

Актуальность проблемы конфликтов в близких отношениях определяется их важной ролью в удовлетворенности отношениями и в их стабильности (Кожухарь, 2021; Сычев, Казанцева, 2017; Gottman, 1993b; Kurdek, 1994, 1998; Todorov et al., 2021). Конфликты и стилевые особенности их решения привлекают научный интерес также в связи с проблемами насилия со стороны партнера (Aguilera-Jiménez et al., 2021; Bonache et al., 2016), последствий родительских

конфликтов для ребенка (Ran et al., 2021) и их влияния на соматическое и психическое здоровье супругов (Frye-Cox et al., 2021).

Супружеский конфликт представляет собой явное противоречие между супругами, которое характеризуется ими как несогласие друг с другом или источник трудностей в отношениях (Fincham, 2009, p. 298). Одной из задач исследования супружеских конфликтов является анализ различных поводов, провоцирующих конфликты, что позволяет уточнить роль связанных с ними социальных и демографических факторов (Пишняк, 2009; Williamson et al., 2013). Другой важной задачей с учетом запросов психологической практики представляется анализ поведения супругов в конфликтных ситуациях. Для повышения эффективности психологической профилактики и консультирования важными являются вопросы: что предпринимают для решения конфликтов благополучные и неблагополучные пары? Какие стратегии поведения и лежащие в их основе личностные качества делают более вероятным эффективное решение конфликтов?

Особенности поведения супругов в конфликтных ситуациях и их диагностика

На основе обобщения эмпирических исследований поведения супругов в конфликтных ситуациях (Gottman, 1994; Heavey et al., 1993) Л.А. Курдек пришел к выводу о том, что существует типичный паттерн неэффективного решения конфликтов, который характеризуется тремя важными признаками:

- а) наличием регулярных споров по одним и тем же вопросам;
- б) пониманием, чем конфликт закончится, еще до его начала;
- в) завершением спора без достижения решения, с чувством, что каждого партнера до конца не выслушали и не услышали (Kurdek, 1994).

На основе этого паттерна им был разработан «Опросник неэффективного решения конфликтов» (Ineffective Arguing Inventory, IAI), позволяющий оценить, насколько плохо или хорошо пара справляется с конфликтами (Ibid.). Л.А. Курдек утверждал, что практическое значение этого паттерна определяется доказанной в исследованиях обратной связью со стабильностью супружеских отношений (Gottman, 1994; Kurdek, 1994). Вывод о важной роли паттерна неэффективного решения конфликтов согласуется с разработанной в те же годы теорией стабильности и распада брака Дж. Готтмана (Gottman, 1993a), в рамках которой предполагается, что для неблагополучных, нестабильных пар характерно восприятие имеющихся конфликтов как неразрешимых. Представление о неразрешимости конфликтов в сочетании с интенсивным выражением негативных эмоций и потерей контроля в ходе конфликтов заставляет избегать коммуникации друг с другом и приводит к растущему отстранению супругов, в конечном итоге способствуя распаду брака.

В рамках каскадной модели распада отношений Дж. Готтман описал несколько стратегий общения, которые особенно вредны для отношений, — это критика, выражение презрения, самозащита и отстранение (уход от коммуникации) (Gottman, 1993a). Он пришел к этому выводу на основе наблюдения и видео-

фиксации поведения супругов в конфликтных ситуациях с последующей экспертной оценкой полученных материалов (Gottman, 1993b; Gottman, Krokoff, 1989). Так, например, в исследовании 1989 г. (Gottman, Krokoff, 1989) в результате подобного анализа поведения 25 супружеских пар были изучены долгосрочные последствия нескольких стилей поведения супругов в конфликтной ситуации. К числу таких стилей относятся:

- позитивный стиль, направленный на решение конфликтов путем принятия ответственности, поиска компромиссов, конструктивного обсуждения и осмысления;
- вовлекающийся, включающий проявления несогласия с партнером, злости, враждебности, критики, «перехода на личности»;
- уступчивый, проявляющийся в демонстрации согласия и одобрения для избегания конфликтов;
- отстраняющийся, который проявляется в отсутствии реакции на поведение партнера, в отсутствии ответов на его/ее высказывания, в нерелевантных ответах, отражающих нежелание обсуждать проблему, в избегании общения;
- защитный, сконцентрированный на самозащите и отрицании ответственности;
- упрямый, связанный с несговорчивостью, недовольством, стремлением командовать и подавлять партнера.

Опираясь на результаты этого исследования, Л.А. Курдек предложил опросник стилей решения конфликтов (Conflict Resolution Styles Inventory, CRSI), предоставляющий возможность оценки четырех наиболее типичных и важных стилей из числа охарактеризованных выше: позитивного, вовлекающегося, уступчивого и отстраняющегося (Kurdek, 1994). Два из них полностью совпадают с угрожающими стабильности брака стратегиями поведения по Дж. Готтману (Gottman, 1993a): для вовлекающегося стиля характерны критика и выражение презрения, нападки на личность партнера, а также потеря контроля, в то время как отстраняющийся стиль отражает уход от коммуникации. При этом только один из этих стилей — позитивный — является благоприятным с точки зрения текущей удовлетворенности отношениями: между ними обнаруживается умеренная прямая связь (Kurdek, 1994). Остальные три стиля демонстрируют умеренные обратные связи с удовлетворенностью.

В полном соответствии с предсказаниями каскадной модели распада отношений Дж. Готтмана (Gottman, 1993a) предикторами расставания пары оказались вовлекающийся и отстраняющийся стили (Kurdek, 1994). При этом шкала уступчивого стиля показывает наименьшие, довольно слабые обратные связи с удовлетворенностью отношениями и стабильностью пары (Ibid.), что свидетельствует о его меньшей негативной роли и, вероятно, противоречивых последствиях. По этой причине, а также с учетом умеренной внутренней согласованности шкалы в некоторых последующих исследованиях она не использовалась (Kurdek, 1998) и отсутствует в испаноязычной версии опросника (Bonache et al., 2016).

Предложенный Л.А. Курдеком подход к оценке поведения супругов в конфликтной ситуации был разработан под влиянием эмпирических исследований Дж. Готтмана и во многом близок к его идеям, получившим выражение в теории стабильности и распада брака и каскадной модели распада отношений (Gottman, 1993a). Тем не менее измеряемые шкалами Л.А. Курдека конструкты не являются точной операционализацией получивших известность теоретических представлений Дж. Готтмана о супружеских конфликтах, поскольку опираются на его более ранние работы. Близкая, но не сводимая к теории Дж. Готтмана концепция Л.А. Курдека, положенная в основу его шкал, также получила широкое признание в мировой психологии, о чем свидетельствует разработка ее адаптированных версий на разных языках (Bonache et al., 2016; Fortin et al., 2020; Herzberg, Sierau, 2010; Zanella Delatorre et al., 2017).

Личностные факторы супружеских конфликтов и стилей их решения

Среди личностных факторов, определяющих поведение в конфликтных ситуациях, помимо достаточно очевидных черт, таких как агрессивность, низкий уровень доброжелательности и т.п., важное место занимает стиль привязанности. Концепция стиля привязанности относится к числу наиболее общих моделей, объясняющих широкий круг особенностей поведения в близких отношениях, включая эффективность решения конфликтов и особенности поведения в конфликтных ситуациях (Fraley, 2019). Она описывает отношение к значимым другим одновременно в когнитивных (обобщенная модель себя и партнера) и эмоционально-поведенческих (тревога и избегание) терминах. При этом тревога, соответствующая негативному образу себя, и избегание, связанное с негативным образом другого, выступают в качестве двух основных параметров, характеризующих ненадежные стили привязанности (Ibid.).

На примере детско-родительских отношений показано, что стиль привязанности к родителям в юношеской выборке связан с общей конфликтностью, которая рассматривается как «интегральное свойство субъекта, отражающее частоту вступления в межличностные конфликты» (Красило, Кежватова, 2017, с. 86). Наименьшей конфликтностью характеризуются лица с надежным стилем привязанности, в то время как максимальная присуща лицам с тревожным стилем (Красило, Кежватова, 2017). Относительно романтической привязанности известно, что надежный стиль связан с использованием адаптивных стратегий решения конфликтов в близких отношениях, в то время как ненадежные стили (тревожный и избегающий) — с неадаптивными стратегиями (González-Ortega et al., 2021; Paquette et al., 2020). С использованием методики CRSI и регрессионного анализа на бразильской выборке было показано, что вовлеченный и отстраняющийся стили прямо связаны с тревожной привязанностью, в то время как уступчивый стиль показывает зависимость от избегания (Scheeren et al., 2015).

Одним из возможных объяснений влияния привязанности на конфликтное поведение супругов является важная роль в супружеской жизни сформированности эмоциональной регуляции в целом и, в частности, эмпатии как

способности к пониманию эмоций другого и к сопереживанию (Chung, 2014). При этом в соответствии с теорией привязанности эмоциональная регуляция и эмпатия формируются на основе раннего детского опыта привязанности к значимому другому (Mikulincer, Shaver, 2019).

Выступающая в качестве одного из основных элементов эмпатии готовность к децентрации характеризует способность учитывать точку зрения, переживания и опыт другого человека, увидеть ситуацию с позиции партнера (Карягина, Кухтова, 2016). Неспособность к децентрации затрудняет взаимопонимание и существенно усложняет поиск решения конфликта. К настоящему времени получены немногочисленные, но хорошо соответствующие теоретическим ожиданиям данные о связи адаптивных стратегий решения конфликтов с эмпатией (см. обзор в: Klimecki, 2019). Исследование роли эмпатии в конфликтах с помощью адаптируемой в этом исследовании методики CRSI на примере стиля поведения подростков в конфликте с матерью показало наличие различных влияний эмпатии на разные стили поведения (de Wied et al., 2007). Также было показано, что эмпатия выступает в качестве медиатора связи избегания как параметра стиля привязанности с удовлетворенностью супругов браком (Chung, 2014), причем в этом исследовании влияние привязанности и эмпатии на удовлетворенность было также частично опосредовано способностью к прощению.

Способность к прощению выступает в качестве важного фактора конфликтного поведения, опосредующего влияние эмпатии и привязанности на супружеские конфликты (McCullough et al., 1998; Fincham et al., 2004; Fincham, 2010). Отмечая разнообразие подходов к определению прощения, Ф.Д. Финчем подчеркивает, что центральной для них является идея свободной и произвольной трансформации своих мотивов, результатом которой является преодоление желаний отомстить и избежать контактов с обидчиком (Fincham, 2010). Негативные переживания и вызванные ими мотивы мести или избегания являются довольно типичными явлениями в близких отношениях, возникающими вследствие обид, полученных в ходе конфликта. Непрощенные обиды могут перерасти в будущие конфликты и мешать восстановлению согласия, запуская тем самым спираль негативного взаимодействия, характерную для проблемных отношений (Ibid.). Прощение способствует более эффективному решению конфликтов ввиду наличия связанной с ним способности осознавать собственные эмоции и управлять ими, а также готовности проявлять эмпатию по отношению к другой стороне конфликта (Кононова, Пуговкина, 2018). Прощение также сочетается с использованием позитивных атрибуций причин поступков партнера (Fincham, 2010). Преодоление негативных переживаний, вызванных прошлыми обидами, посредством прощения помогает лучше понимать точку зрения партнера и использовать позитивные атрибуции, что в итоге приводит к более конструктивным стратегиям поведения в конфликтной ситуации.

Таким образом, привязанность, эмпатия и прощение составляют теоретически обоснованную систему факторов, объясняющих особенности поведения супругов в конфликтных ситуациях. Хотя детализация связей внутри этой

системы составляет отдельную проблему, в контексте задач данного исследования важно, что можно ожидать достаточно существенный вклад этих факторов в конфликтное поведение супругов.

Диагностика супружеских конфликтов в отечественной науке

Психологическое исследование супружеских конфликтов затрудняется нехваткой современного инструментария, позволяющего надежно и вместе с тем экономично измерять особенности конфликтного поведения супругов. В нашей стране внимание психологов в большей мере привлекали вероятные причины и поводы супружеских конфликтов, для диагностики которых были разработаны соответствующие опросники. Примером подобной методики является опросник Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Алешина и др., 1987). Он позволяет оценить общий уровень конфликтности пары, отражающий частоту возникновения конфликтов, а также выделить наиболее конфликтогенные сферы семейных отношений. Стимульный материал состоит из 32 подробно описанных ситуаций, в которых вероятно возникновение конфликта. Несмотря на популярность этого опросника, сведения о его психометрических характеристиках (внутренней согласованности шкал, валидности, факторной структуре) в литературе отсутствуют.

Еще одним примером является разработанная В.П. Левкович и О.Э. Зуськовой методика «Межличностный семейный конфликт» (Левкович, Зуськова, 1987), в основу которой положено представление о том, что причиной конфликтов являются противоречия в потребностной сфере супругов. Согласованность их представлений относительно собственных потребностей и потребностей партнера оценивается по 11 шкалам на основе ответов на 168 пунктов. Психометрические характеристики этой методики также неизвестны.

Русскоязычных методик для оценки стиля поведения супругов в конфликтной ситуации обнаружить не удалось. Иногда для решения этой задачи применяется тест Томаса, русскоязычная версия которого разработана на основе методики К. Томаса и Р. Килманна (Kilmann, Thomas, 1977). Хотя этот тест в большей мере ориентирован на анализ конфликтного поведения в организационной сфере, его также пытаются применять в исследованиях супружеских конфликтов (см., например: Бородина, Ваккер, 2014; Данилова, 2020). Поскольку данный опросник не учитывает специфики близких отношений, его валидность как инструмента оценки поведения в супружеских конфликтах сомнительна. Также вызывает недоумение тот факт, что, несмотря на длительную историю использования данной методики в нашей стране, до сих пор отсутствуют сведения о ее психометрических характеристиках, хотя их важность сложно переоценить с учетом данных об умеренной внутренней согласованности шкал оригинальной версии (Thomas, Kilmann, 1978).

Таким образом, в отечественной психологической диагностике супружеских конфликтов основное внимание уделялось их вероятным причинам и

поводам, при этом надежный и валидный инструмент оценки стиля поведения в конфликтной ситуации до сих пор отсутствует. Общей проблемой русскоязычных методик диагностики супружеских конфликтов является недостаточность сведений об их психометрических характеристиках, что закономерно вызывает сомнения в их валидности. Также ощущается нехватка кратких шкал, пригодных для экспресс-опросов и использования в составе объемных исследовательских батарей.

Более современные, компактные и надежные шкалы для оценки конфликтов в супружеских парах разрабатываются также для нужд социологических исследований: их примеры можно найти в работе А.И. Пишняк (Пишняк, 2009). Вместе с тем они предназначены для решения социологических задач и не связаны непосредственно с психологическими теориями конфликтов, что ограничивает их применение в психологических исследованиях. Следовательно, можно констатировать дефицит инструментария для нужд психологических исследований супружеских конфликтов.

С учетом отмеченного дефицита русскоязычного инструментария целью данного исследования стала русскоязычная адаптация методик IAI и CRSI с анализом их факторной структуры, внутренней согласованности и валидности. В основу исследования была положена гипотеза о том, что предложенные русскоязычные версии опросников представляют собой надежные и валидные инструменты с ожидаемой факторной структурой. В ходе валидации проверялись частные гипотезы о том, что показатели по методикам IAI и CRSI обнаруживают ожидаемые статистически значимые связи с удовлетворенностью отношениями, а также со стилями привязанности, эмпатией и прощением. Отдельной задачей стал также анализ связи измеряемых особенностей поведения в конфликтной ситуации с некоторыми социально-демографическими характеристиками: полом, возрастом, типом и продолжительностью близких отношений, наличием или отсутствием детей, а также с материальным положением семьи. Выбор этих характеристик определяется имеющимися в литературе сведениями об их вероятной связи с конфликтностью и благополучием пары (Данилова, 2020; Пишняк, 2009; Сычев, Казанцева, 2017).

Выборка, методы и методики исследования

Выборку составили 415 студентов очного и заочного отделений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в возрасте от 18 до 66 лет (средний возраст $M = 28.02$; $SD = 8.05$), из них 237 (57%) женщин, 178 (43%) мужчин. Из числа опрошенных в добрых отношениях состоят 175 (45%) человек, в супружеских — 240 (55%). Опрос проводился онлайн, преподаватели приглашали студентов принять участие в исследовании «факторов удовлетворенности близкими отношениями». Обратная связь по результатам исследования или вознаграждение за участие не предоставлялись.

Из числа опрошенных в зарегистрированных супружеских отношениях состоят 155 человек (37% выборки, из них 91 женщина и 64 мужчины), в фактическом

браке — 85 (21%, 48 женщин и 37 мужчин), в серьезных добрачных отношениях — 61 (15%, 33 женщины и 28 мужчин), остальные (114 человек, 27%, 65 женщин и 49 мужчин) сообщили, что у них «просто есть друг/подруга». Средняя продолжительность отношений во всей выборке составила 4.84 года ($SD = 6.23$), в группе зарегистрированных супружеских отношений — 7.23 ($SD = 5.94$), в фактическом браке — 5.98 ($SD = 5.55$), в группе серьезных добрачных отношений — 2.35 ($SD = 6.21$), в группе сообщивших о наличии друга/подруги — 2.07 ($SD = 5.54$).

Текст методик «Опросник неэффективного решения конфликтов» и «Опросник стилей решения конфликтов» Л.А. Курдека (Kurdek, 1994) был переведен на русский язык двумя психологами, имеющими опыт исследования проблем психологии семьи и близких отношений и хорошо владеющими английским языком. После обсуждения разногласий в переводе был сформулирован текст методик, который использовался в ходе пилотажного исследования, направленного на оценку внутренней согласованности шкал. Его результаты показали, что в опроснике стилей решения конфликтов задания № 2 и 4 имеют слабую корреляцию со своей шкалой. Формулировка этих заданий была изменена таким образом, чтобы их содержание полнее отражало смысл соответствующей шкалы. В итоге был получен текст методик, который использовался далее на основном этапе исследования.

«Опросник неэффективного решения конфликтов» состоит из восьми утверждений (см. Приложение 1), из которых три обратных и пять прямых. Согласие с каждым из утверждений требуется оценить по шкале от 1 — совершенно не согласен до 5 — полностью согласен. «Опросник стилей решения конфликтов» включает 16 утверждений (см. Приложение 2), образующих четыре шкалы, для ответов используется пятибалльная шкала.

В качестве критерия валидности, непосредственно характеризующего частоту и интенсивность конфликтов внутри пар, использовалась методика из исследования А.И. Пишняк (Пишняк, 2009). В ней требуется оценить частоту конфликтов по девяти различным поводам (например, деньги, отношения с родителями и пр.) с помощью пятибалльной шкалы, итоговый показатель вычислялся как среднее значение. Аналогичные по форме и содержанию шкалы нередко применяются в зарубежных исследованиях (см., например: Amato, Cheadle, 2008). Коэффициенты внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для этой и других использовавшихся шкал приведены в таблице 1.

Для оценки удовлетворенности супружескими отношениями использовалась «Шкала оценки отношений» С. Хендрик в адаптации О.А. Сычева (Сычев, 2016). Диагностика стиля привязанности в близких отношениях проводилась с помощью русскоязычной версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R), предложенной К.А. Чистопольской с соавторами (Чистопольская и др., 2018), включающей шкалы тревожности и избегания. Для оценки способности к децентрации как одного из показателей эмпатии, имеющего существенное значение в конфликтной ситуации, использовалась шкала «Децентрация» из теста эмпатии М. Дэвиса, адаптированного Т.Д. Карягиной и Н.В. Кухтовой (Карягина, Кухтова, 2016).

Таблица 1

Описательная статистика по шкалам неэффективности и стилей решения конфликтов и их корреляции с другими показателями (N = 415)

Шкалы и показатели	α	Неэффективность решения конфликтов	Вовлекающий стиль	Позитивный стиль	Отстраняющийся стиль	Уступчивый стиль
Неэффективность решения конфликтов	0.85	—				
Вовлекающий стиль	0.75	0.55***	—			
Позитивный стиль	0.84	−0.64***	−0.48***	—		
Отстраняющийся стиль	0.71	0.49***	0.55***	−0.43***	—	
Уступчивый стиль	0.68	0.19***	0.11*	−0.11*	0.26***	—
Частота конфликтов	0.85	0.57***	0.43***	−0.47***	0.34***	0.18***
Шкала оценки отношений	0.88	−0.64***	−0.34***	0.41***	−0.39***	−0.11*
Тревожность	0.88	0.57***	0.42***	−0.36***	0.42***	0.21***
Избегание	0.80	0.48***	0.36***	−0.36***	0.41***	0.21***
Склонность к прощению	0.65	−0.21***	−0.36***	0.17***	−0.36***	0.00
Склонность к прощению в близких отношениях	0.66	−0.42***	−0.33***	0.30***	−0.40***	−0.06
Децентрация	0.64	−0.33***	−0.24***	0.44***	−0.17***	−0.06
Среднее		2.39	2.37	3.75	2.45	2.38
Стандартное отклонение		0.89	0.93	0.91	0.93	0.80
Асимметрия		0.44	0.37	−0.25	0.43	0.24
Экссесс		−0.39	−0.55	−0.94	−0.47	−0.10

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Для оценки склонности прощать партнера применялись две шкалы. Во-первых, использовалась шкала «Склонность к прощению» из русскоязычной версии опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков», разработанной А.П. Кононовой и О.Д. Пуговкиной (Кононова, Пуговкина, 2018). Она измеряет склонность к прощению как общую диспозицию, проявляющуюся в различных отношениях. Для измерения более специфичной склонности к прощению в близких отношениях была составлена шкала из четырех утверждений (два прямых и два обратных) (например: «После спора с любимым человеком я могу легко забыть обо всех разногласиях и снова наслаждаться общением с ним/ней»). Степень согласия

с каждым оценивалась по семибалльной шкале. Однофакторная модель данной шкалы (с добавлением ковариации между двумя обратными пунктами) в ходе конфирматорного факторного анализа показала отличное соответствие данным: $\chi^2 = 1.56$; $df = 1$; $p = 0.211$; CFI = 0.997; TLI = 0.981; RMSEA = 0.037; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.000–0.142; PCLOSE = 0.420.

Опросникам предшествовала анкета, предназначенная для оценки социально-демографических характеристик участников исследования, включающая вопросы об их возрасте, продолжительности текущих отношений, наличии детей и материальном положении семьи (по пятибалльной шкале от 1 — очень тяжелое до 5 — очень хорошее). Кроме того, для учета типа близких отношений задавался вопрос «В каких близких отношениях Вы состоите в настоящее время?» с четырьмя вариантами ответа (1 — у меня просто есть друг/подруга, 2 — у нас серьезные добрачные отношения (я помолвлен(а)), 3 — живем вместе, но отношения не зарегистрированы в ЗАГСе, 4 — состою в официальном браке). Первые два ответа рассматривались как индикаторы добрачных отношений, последние два — супружеских отношений.

Статистический анализ данных проводился в среде статистического анализа R с использованием коэффициента корреляции Пирсона, t-критерия Стьюдента и описательных статистик. Конфирматорный факторный анализ (КФА) с помощью метода взвешенных наименьших квадратов с использованием матрицы полихорических корреляций (WLSMV) был выполнен в программе Mplus 8. В ходе оценки соответствия модели данным использовались следующие критерии: о хорошем соответствии говорят значения среднеквадратической ошибки аппроксимации RMSEA и стандартизованного среднеквадратического остатка SRMR < 0.05, а также величина сравнительного индекса согласия CFI > 0.95. Признаками приемлемого соответствия данным считают значения RMSEA и SRMR < 0.05, а также CFI > 0.90 (Bentler, 1990; Browne, Cudeck, 1993).

Результаты

Анализ факторной структуры «Опросника неэффективного решения конфликтов» с помощью КФА показал, что однофакторная модель недостаточно хорошо соответствует данным: $\chi^2 = 121.04$; $df = 20$; $p < 0.001$; CFI = 0.971; TLI = 0.959; SRMR = 0.035; RMSEA = 0.110; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.092–0.130; PCLOSE < 0.001. С учетом наличия в структуре методики трех обратных заданий в модель был добавлен фактор, объединяющий эти пункты, но не коррелирующий с первым фактором (см. рисунок 1). Такая модель показала приемлемое соответствие данным: $\chi^2 = 45.12$; $df = 17$; $p < 0.001$; CFI = 0.992; TLI = 0.987; SRMR = 0.021; RMSEA = 0.063; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.041–0.086; PCLOSE = 0.152.

Результаты КФА для «Опросника стилей решения конфликтов» показали, что модель с четырьмя факторами, соответствующими шкалам опросника (см. рисунок 2), характеризуется удовлетворительным соответствием данным: $\chi^2 = 268.49$;

Рисунок 1

Структурная модель Опросника неэффективного решения конфликтов (все коэффициенты значимы при $p \leq 0.05$, остатки опущены для упрощения рисунка)

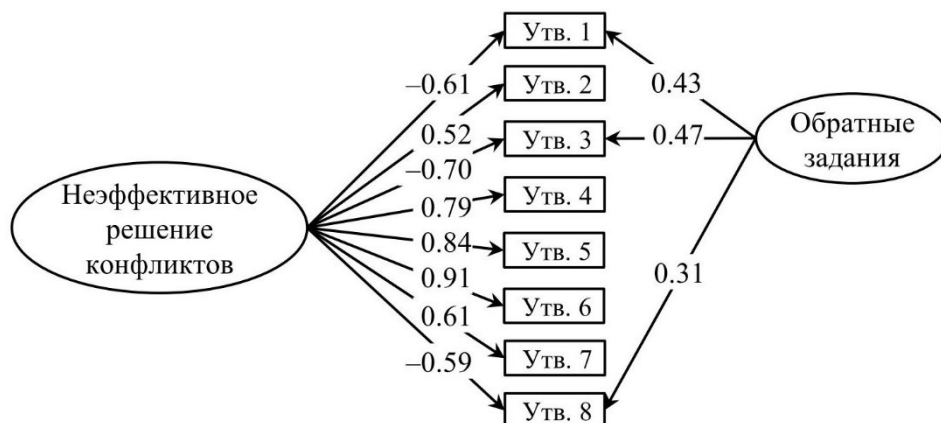
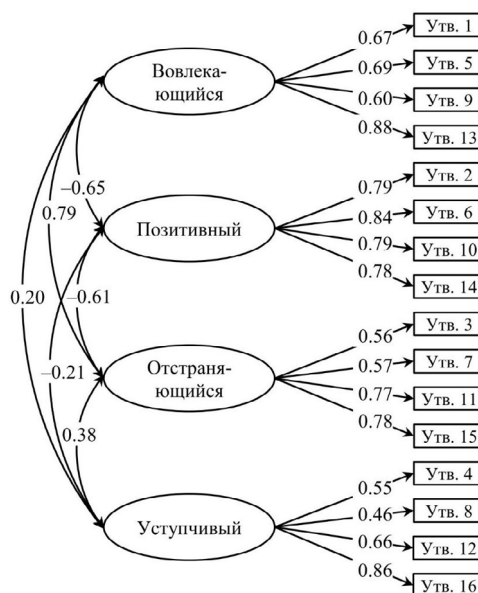

Рисунок 2

Структурная модель Опросника стилей решения конфликтов (все коэффициенты значимы при $p \leq 0.05$, остатки опущены для упрощения рисунка)

$df = 98$; $p < 0.001$; CFI = 0.967; TLI = 0.960; SRMR = 0.047; RMSEA = 0.065; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.056–0.074; PCLOSE = 0.005.

Коэффициенты α Кронбаха, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности всех шкал, за исключением шкалы уступчивого стиля, величина коэффициента для которого лежит немного

ниже общепринятых границ ($\alpha = 0.68$). Умеренными по величине являются показатели асимметрии (≤ 0.5) и эксцесса (≤ 1), что позволяет говорить о приблизительно нормальном распределении по каждой из шкал (Curran et al., 1996).

С целью анализа валидности были вычислены коэффициенты корреляции адаптированных шкал с различными показателями, характеризующими частоту конфликтов в отношениях и связанные с ней личностные особенности. Полученные результаты (см. таблицу 1) свидетельствуют о наличии прямых связей неэффективности решения конфликтов с частотой конфликтов, тревожностью, избеганием и обратных — с оценкой отношений, склонностью к прощению в целом и в близких отношениях, а также с децентрацией. Аналогичные связи показывают неблагоприятные вовлекающийся и отстраняющийся стили решения конфликтов. Корреляции позитивного стиля также аналогичны, но отличаются противоположным знаком. Уступчивый стиль показал лишь довольно слабые прямые связи с частотой конфликтов, тревожностью и избеганием, при очень слабой обратной связи с оценкой отношений.

Интеркорреляции между стилями указывают на умеренную прямую связь вовлекающегося и отстраняющегося стилей при наличии их обратных связей с позитивным стилем. При этом уступчивый стиль показывает слабые прямые связи с вовлекающимся и отстраняющимся стилем, а также слабую обратную — с позитивным стилем. Неэффективность решения конфликтов довольно сильно обратно коррелирует с позитивным стилем, при наличии прямых связей с вовлекающимся, отстраняющимся и уступчивым стилями.

Статистически значимых корреляций с возрастом и продолжительностью отношений не обнаружилось. Результаты оценки гендерных различий, приведенные в таблице 2, демонстрируют слабую тенденцию к более высокой самооценке склонности к позитивному стилю решения конфликтов у женщин.

Результаты сравнения лиц, состоящих в добрачных и супружеских отношениях, показали отсутствие статистически значимых различий в самооценке

Таблица 2

**Сравнение показателей неэффективности решения конфликтов и стилей
их решения у мужчин и женщин**

Шкалы	Средние значения		Стандартные отклонения		t	df	p	d Коэна
	Ж (N = 237)	М (N = 178)	Ж	М				
Неэффективность решения конфликтов	2.32	2.48	0.93	0.83	-1.83	413	0.069	0.18
Вовлекающийся стиль	2.34	2.41	0.95	0.90	-0.74	413	0.459	0.07
Позитивный стиль	3.86	3.60	0.90	0.91	2.95	413	0.003	0.29
Отстраняющийся стиль	2.46	2.43	0.94	0.91	0.38	413	0.701	0.04
Уступчивый стиль	2.35	2.43	0.82	0.76	-1.02	413	0.310	0.10

эффективности и стилей решения конфликтов. Внутри группы лиц, состоящих в супружеских отношениях, было проведено сравнение бездетных и имеющих детей. Обнаруженные тенденции (см. таблицу 3) демонстрируют невысокий уровень значимости и величину эффекта от слабой до умеренной. Они указывают, что у лиц, имеющих детей, несколько выше оценка неэффективности решения конфликтов, вовлекающегося стиля и уступчивого стиля при меньшей оценке позитивного стиля.

Также для выборки лиц, состоящих в супружеских отношениях, были вычислены коэффициенты корреляции шкал с самооценкой материального положения семьи. В результате была обнаружена лишь одна слабая тенденция при невысоком уровне значимости: низкая оценка материального положения семьи сочетается с большей неэффективностью решения конфликтов ($r = -0.11$; $p < 0.05$).

Обсуждение результатов

Предложенные русскоязычные версии опросников показали ожидаемую факторную структуру и удовлетворительную внутреннюю согласованность шкал. Единственной шкалой, внутренняя согласованность которой оказалась несколько меньше общепринятых стандартов, является шкала уступчивого стиля. Аналогичные результаты были получены при разработке испаноязычной версии опросника (Bonache et al., 2016). Тем не менее, в отличие от испаноязычной версии, эта шкала не была исключена из опросника, так как ее использование (с коэффициентом α Кронбаха не менее 0.65) в исследовательских целях является вполне допустимым (DeVellis, 1991).

Для русскоязычной версии «Опросника неэффективного решения конфликтов» наиболее соответствующей данным оказалась бифакторная модель, в которой, помимо общего фактора, объединяющего все задания, присутствует

Таблица 3

Сравнение показателей неэффективности решения конфликтов и стилей их решения у лиц, имеющих и не имеющих детей

Шкалы	Средние значения		Стандартные отклонения		t	df	p	d Коэна
	Без детей (N = 116)	С детьми (N = 123)	Без детей	С детьми				
Неэффективность решения конфликтов	2.14	2.51	0.86	0.92	-3.20	237	0.002	0.41
Вовлекающийся стиль	2.17	2.46	1	0.96	-2.28	237	0.024	0.29
Позитивный стиль	3.96	3.67	0.87	0.89	2.54	237	0.012	0.33
Отстраняющийся стиль	2.36	2.44	0.92	0.93	-0.69	237	0.488	0.09
Уступчивый стиль	2.21	2.46	0.86	0.77	-2.34	237	0.020	0.30

также «фактор метода», отражающий установку на согласие и невнимательность испытуемых при ответе на обратные задания, что является типичным для подобных шкал (Weijters et al., 2013). Наличие этого фактора в модели не опровергает предположения об одношкальной структуре опросника, подтверждением которого является наличие общего содержательного фактора, нагрузки на который для всех пунктов по абсолютной величине превышают 0.5.

Конвергентная валидность шкалы неэффективного решения конфликтов подтверждается довольно тесной связью с частотой конфликтов. Неэффективность их решения, очевидно, проявляется в том, что ранее не решенные конфликты воспроизводятся и дают почву для новых конфликтов. О валидности шкал говорит также тот факт, что, в соответствии с ожиданиями, два неблагоприятных стиля решения конфликтов (вовлекающийся и отстраняющийся) показали прямые связи с неэффективностью, в то время как позитивный стиль — обратную связь.

Данные об умеренной взаимосвязи неблагоприятных стилей между собой соответствуют результатам, полученным автором методики (Kurdek, 1994). Интерес представляет выявленная умеренная прямая корреляция ($r = 0.55$) между вовлекающимся и отстраняющимся стилями, которая близка к значениям, полученным автором оригинальной версии методики (0.33–0.48 по разным выборкам (Ibid.)). Несмотря на то что эти стили кажутся противоположными друг другу, на самом деле они не исключают, а скорее дополняют друг друга и вполне могут вместе присутствовать у одного человека. Это объясняется тем, что отстранение от партнера в конфликтной ситуации может быть следствием предшествующего неконструктивного, чересчур эмоционального спора или накопившегося травмирующего опыта конфликтов. Такое объяснение вытекает из содержания некоторых пунктов шкалы отстраняющегося стиля, например: «После некоторого предела замолкать и отказываться разговаривать дальше». Кроме того, хотелось бы подчеркнуть важные общие черты этих двух стилей, к которым относится прежде всего восприятие противоречий как непреодолимых и неспособность к их конструктивному решению. Будучи сходными по существу, но различающимися по внешним проявлениям, эти стили вполне могут сочетаться даже в пределах одной конфликтной ситуации, когда вслед за бурным началом конфликта следует отстранение одного или обоих участников.

Хорошо соответствуют результатам прошлых исследований (Сычев, Казанцева, 2017; Kurdek, 1994; Todorov et al., 2021) выявленные обратные связи неэффективного решения конфликтов и неблагоприятных стилей с удовлетворенностью отношениями. Также соответствуют прошлым данным корреляции неэффективности и стилей решения конфликтов с показателями стилей привязанности (González-Ortega et al., 2021; Paquette et al., 2020; Scheeren et al., 2015), прощения (Takada, Ohbuchi, 2013) и эмпатии (Klimecki, 2019). Подобно полученным ранее результатам (de Wied et al., 2007), в нашем исследовании была выявлена прямая связь эмпатии с позитивным стилем и обратная связь с вовлекающимся стилем. Вместе с тем эмпатия показала также обратную связь с отстраняющимся стилем, которой ранее не обнаруживалось

(Ibid.). Выявленные в данном исследовании связи склонности к прощению подтверждают теоретические представления о ее важной роли в стилях поведения в конфликтной ситуации (Fincham, 2010). В соответствии с полученными ранее результатами (Takada, Ohbuchi, 2013), позитивный стиль прямо связан с прощением, в то время как вовлекающийся и отстраняющийся стили связаны с ним обратно.

Обнаруженная тенденция к большей неэффективности решения конфликтов и склонности к использованию вовлекающегося и уступчивого стилей при меньшей выраженности позитивного стиля в супружеских парах, имеющих детей, хорошо согласуется с полученными ранее выводами об обратной связи наличия и количества детей с удовлетворенностью отношениями у супругов (см., например: Kowal et al., 2021). Можно предположить, что наличие детей создает дополнительные материальные и бытовые сложности, вызывающие трудноразрешимые супружеские конфликты. Вместе с тем роль материальных проблем в снижении удовлетворенности пар с детьми не подтверждается результатами недавнего масштабного исследования (Ibid.). Другое возможное объяснение заключается в том, что среди пар с детьми имеются те, кто, несмотря на высокую частоту конфликтов, сохраняют брак «ради детей», в то время как подобные бездетные пары с большой вероятностью распадаются.

Таким образом, в исследовании полностью подтвердилась основная гипотеза о том, что предложенные русскоязычные версии шкал представляют собой надежные и валидные инструменты с ожидаемой факторной структурой. В пользу их валидности свидетельствует подтверждение всех частных гипотез о связи измеряемых конструктов с удовлетворенностью отношениями, стилями привязанности, эмпатией и прощением.

Перспективы исследования связаны с уточнением возможностей применения предложенных шкал для оценки конфликтного поведения партнера. В будущих исследованиях возможно применение этих шкал для анализа связи особенностей конфликтного поведения супругов с их социально-демографическими и личностными характеристиками, а также с особенностями семейной ситуации. Предложенные шкалы могут быть использованы также для исследования проблем в брачных отношениях, связанных с конфликтами и насилием. Сфера их применения, вероятно, не ограничится лишь исследованиями супружеских и брачных отношений: в зарубежных исследованиях было показано, что после минимальных модификаций методика пригодна для решения иных аналогичных задач, например, для оценки стиля решения конфликтов в отношениях подростков с родителями (Branje et al., 2009) или в дружеских отношениях между подростками одного пола (de Wied et al., 2007). Кроме того, опросник CRSI может быть также использован для оценки не только собственного поведения в конфликтной ситуации, но и поведения партнера.

Ограничением исследования является опора исключительно на самооценку стилей при отсутствии данных о внешней оценке конфликтного поведения со стороны партнера или супруга. Поскольку из прошлых исследований хорошо

известно, что частота конфликтов в супружеской паре обратно связана с уровнем образования (см., например: Пишняк, 2009), необходимо учитывать ограниченную применимость нормативных данных, полученных исключительно на студенческой выборке. Уточнение норм в группах с различными социально-демографическими характеристиками (образованием, уровнем дохода, длительностью отношений, числом детей и т.п.) требует существенного расширения выборки и составляет перспективу данного исследования.

Выводы

Предложенные русскоязычные опросники неэффективности и стилей решения конфликтов, представляющие собой удобный и экономичный инструмент диагностики супружеских конфликтов, обладают приемлемыми психометрическими характеристиками. Эти методики, основанные на авторитетных зарубежных подходах к анализу факторов стабильности и благополучия брака, могут представлять интерес как для дальнейших научных исследований в области психологии семьи, так и для специалистов, занимающихся психологическим консультированием супругов.

Литература

- Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., Дубовская, Е. М. (1987). *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии*. М.: Изд-во Московского университета.
- Бородина, В. Н., Ваккер, Е. А. (2014). Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте супругов и удовлетворенностью браком. *Сибирский педагогический журнал*, 5, 111–115.
- Данилова, Е. А. (2020). Поведение в конфликте супругов на разных стадиях жизненного цикла семьи. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 30(2), 181–188. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-2-181-188>
- Карягина, Т. Д., Кухтова, Н. В. (2016). Тест эмпатии М. Дэвиса: Содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 33–61. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403>
- Кожухарь, Г. С. (2021). Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей. *Социальная психология и общество*, 12(1), 143–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110>
- Кононова, А. П., Пуговкина, О. Д. (2018). Валидизация опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков» на российской выборке. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(4), 27–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260403>
- Красило, Т. А., Кежватова, Е. А. (2017). Взаимосвязь между типом привязанности и уровнем конфликтности у студентов. *Социальная психология и общество*, 8(2), 85–100. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080206>
- Левкович, В. П., Зуськова, О. Э. (1987). Методика диагностики супружеских отношений. *Вопросы психологии*, 4, 128–134.

- Пишняк, А. И. (2009). Внутрисемейные конфликты: Основания, концентрация, детерминанты. В кн. С. В. Захаров, Т. М. Малева, О. В. Синявская (ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* (вып. 2, с. 185–204). М.: НИСП.
- Сычев, О. А. (2016). Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(2), 388–409. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-386-409>
- Сычев, О. А., Казанцева, О. А. (2017). Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в браке. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 7(1), 106–128. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08>
- Чистопольская, К. А., Митина, О. В., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И., Чубина, С. А., Озол, С. Н., Дровосеков, С. Э. (2018). Адаптация краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*, 39(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Aguilera-Jiménez, N., Rodríguez-Franco, L., Rohlfis-Domínguez, P., Alameda-Bailén, J. R., & Paíno-Quesada, S. G. (2021). Relationships of adolescent and young couples with violent behaviors: Conflict resolution strategies. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(6), Article 3201. <https://doi.org/10.3390/ijerph18063201>
- Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., & Dubovskaya, E. M. (1987). *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Socio-psychological research methods of marital relations: Practicum in social psychology]. Moscow: Moscow University Press.
- Amato, P. R., & Cheadle, J. E. (2008). Parental divorce, marital conflict and children's behavior problems: A comparison of adopted and biological children. *Social Forces*, 86(3), 1139–1161. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0025>
- Bentler, P. M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 107(2), 238–246. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.2.238>
- Bonache, H., Ramírez-Santana, G., & Gonzalez-Mendez, R. (2016). Conflict resolution styles and teen dating violence. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 16(3), 276–286. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2016.03.003>
- Borodina, V. N., & Vakker, E. A. (2014). Vzaimosvyaz' strategii povedeniya v konflikte suprugov i udovletvorennost'yu brakom [The interrelation between strategies of spouses' behavior in conflict and their marital satisfaction]. *Sibirskii Pedagogicheskii Zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 5, 111–115.
- Branje, S. J. T., van Doorn, M., van der Valk, I., & Meeus, W. (2009). Parent–adolescent conflicts, conflict resolution types, and adolescent adjustment. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 30(2), 195–204. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.12.004>
- Browne, M. W., & Cudeck, R. (1993). Alternative ways of assessing model fit. In K. A. Bollen & J. S. Long (Eds.), *Testing structural equation models* (pp. 136–162). Sage.
- Chistopol'skaya, K. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina, S. A., Ozol, S. N., & Drovosekov, S. E. (2018). Adaptation on a Russian sample of the short version of

- Experience in Close Relationships-Revised questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 39(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7> (in Russian)
- Chung, M.-S. (2014). Pathways between attachment and marital satisfaction: The mediating roles of rumination, empathy, and forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 70, 246–251. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.06.032>
- Curran, P. J., West, S. G., & Finch, J. F. (1996). The robustness of test statistics to nonnormality and specification error in confirmatory factor analysis. *Psychological Methods*, 1, 16–29. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.1.1.16>
- Danilova, E. A. (2020). Conflict behavior of spouses at different stages of the family life circle. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika" [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]*, 30(2), 181–188. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-2-181-188> (in Russian)
- De Wied, M., Branje, S. J. T., & Meeus, W. H. J. (2007). Empathy and conflict resolution in friendship relations among adolescents. *Aggressive Behavior*, 33(1), 48–55. <https://doi.org/10.1002/ab.20166>
- DeVellis, R. F. (1991). *Scale development: Theory and applications*. Sage. <https://trove.nla.gov.au/version/45409194>
- Fincham, F. D. (2009). Conflict, marital. In H. T. Reis & S. Sprecher (Eds.), *Encyclopedia of human relationships* (Vol. 1, pp. 298–303). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Fincham, F. D. (2010). Forgiveness: Integral to a science of close relationships? In M. Mikulincer & P. R. Shaver (Eds.), *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* (pp. 347–365). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/12061-018>
- Fincham, F. D., Beach, S. R. H., & Davila, J. (2004). Forgiveness and conflict resolution in marriage. *Journal of Family Psychology*, 18, 72–81. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.18.1.72>
- Fortin, A., Paradis, A., Lapierre, A., & Hébert, M. (2020). Validation of the French-Canadian adaptation of the Conflict Resolution Styles Inventory for adolescents in dating relationships. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 52, 337–342. <https://doi.org/10.1037/cbs0000173>
- Fraley, R. C. (2019). Attachment in adulthood: Recent developments, emerging debates, and future directions. *Annual Review of Psychology*, 70(1), 401–422. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102813>
- Frye-Cox, N., Ganong, L., Jensen, T., & Coleman, M. (2021). Marital conflict and health: the moderating roles of emotion regulation and marriage order. *Journal of Divorce & Remarriage*, 62(6), 450–474. <https://doi.org/10.1080/10502556.2021.1925853>
- González-Ortega, E., Orgaz, B., Vicario-Molina, I., & Fuertes, A. (2021). Adult attachment, conflict resolution style and relationship quality among Spanish young-adult couples. *The Spanish Journal of Psychology*, 24, Article e5. <https://doi.org/10.1017/SJP.2021.4>
- Gottman, J. M. (1993a). A theory of marital dissolution and stability. *Journal of Family Psychology*, 7(1), 57–75. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.7.1.57>
- Gottman, J. M. (1993b). The roles of conflict engagement, escalation, and avoidance in marital interaction: A longitudinal view of five types of couples. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 61(1), 6–15. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.61.1.6>
- Gottman, J. M. (1994). *What predicts divorce? The process between marital processes and marital outcomes*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Gottman, J. M., & Krokoff, L. J. (1989). Marital interaction and satisfaction: A longitudinal view. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 57, 47–52. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.57.1.47>

- Heavey, C. L., Layne, C., & Christensen, A. (1993). Gender and conflict structure in marital interaction: A replication and extension. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 61(1), 16–27. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.61.1.16>
- Herzberg, P. Y., & Sierau, S. (2010). Das Konfliktlösungsstil-Inventar für Paare (KSIP) [The Conflict Resolution Style Inventory for Couples]. *Diagnostica*, 56(2), 94–107. <https://doi.org/10.1026/0012-1924/a000014>
- Karyagina, T. D., & Kukhtova, N. V. (2016). M. Davis Empathy test: content validity and adaptation in cross-cultural context. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 24(4), 33–61. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403> (in Russian)
- Kilmann, R. H., & Thomas, K. W. (1977). Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “MODE” instrument. *Educational and Psychological Measurement*, 37(2), 309–325.
- Klimecki, O. M. (2019). The role of empathy and compassion in conflict resolution. *Emotion Review*, 11(4), 310–325. <https://doi.org/10.1177/1754073919838609>
- Kononova, A. P., & Pugovkina, O. D. (2018). The validation of Tendency to Forgive and Attitudes Toward Forgiveness Scale on the Russian-speaking sample. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 26(4), 27–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260403> (in Russian)
- Kowal, M., Groyecka-Bernard, A., Kochan-Wójcik, M., & Sorokowski, P. (2021). When and how does the number of children affect marital satisfaction? An international survey. *PLoS ONE*, 16(4), Article e0249516. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0249516>
- Kozhukhar, G. S. (2021). The quality of interpersonal relationships and satisfaction with the marriage of young people. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(1), 143–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110> (in Russian)
- Krasilo, T. A., & Kezhvatova, E. A. (2017). The relationship between the type of attachment and the level of conflict in students. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 8(2), 85–100. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080206> (in Russian)
- Kurdek, L. A. (1994). Conflict resolution styles in gay, lesbian, heterosexual nonparent, and heterosexual parent couples. *Journal of Marriage and Family*, 56(3), 705–722. <https://doi.org/10.2307/352880>
- Kurdek, L. A. (1998). Relationship outcomes and their predictors: longitudinal evidence from heterosexual married, gay cohabiting, and lesbian cohabiting couples. *Journal of Marriage and Family*, 60(3), 553–568. <https://doi.org/10.2307/353528>
- Levkovich, V. P., & Zus'kova, O. E. (1987). Metodika diagnostiki supruzheskikh otnoshenii [Marital relationships questionnaire]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 128–134.
- McCullough, M. E., Rachal, K. C., Sandage, S. J., Worthington Jr., E. L., Brown, S. W., & Hight, T. L. (1998). Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75, 1586–1603. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.6.1586>
- Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2019). Attachment orientations and emotion regulation. *Current Opinion in Psychology*, 25, 6–10. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.02.006>
- Paquette, V., Rapaport, M., St-Louis, A. C., & Vallerand, R. J. (2020). Why are you passionately in love? Attachment styles as determinants of romantic passion and conflict resolution strategies. *Motivation and Emotion*, 44, 621–639. <https://doi.org/10.1007/s11031-020-09821-x>
- Pishnyak, A. I. (2009). Vnutrisemeinye konflikty: osnovaniya, kontsentratsiya, determinanty [Conflicts in family: Basis, concentration, determinants]. In S. V. Zakharov, T. M. Maleva, & O. V. Sinyavskaya (Eds.), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in family and society] (Iss. 2, pp. 185–204). Moscow: NISP.

- Ran, G., Niu, X., Zhang, Q., Li, S., Liu, J., Chen, X., & Wu, J. (2021). The association between inter-parental conflict and youth anxiety: a three-level meta-analysis. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(4), 599–612. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01388-7>
- Scheeren, P., Delatorre, M. Z., Neumann, A. P., & Wagner, A. (2015). The predictor role of attachment styles in marital conflict resolution. *Estudos e Pesquisas em Psicologia*, 15(3), 835–852. (in Portugal)
- Sychev, O. A. (2016). Russian version of Relationship Assessment Scale. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(2), 388–409. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-386-409> (in Russian)
- Sychev, O. A., & Kazantseva, O. A. (2017). Socio-demographic and psychological factors of marital satisfaction. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*, 7(1), 106–128. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08> (in Russian)
- Takada, N., & Ohbuchi, K. (2013). True and hollow forgiveness, forgiveness motives, and conflict resolution. *International Journal of Conflict Management*, 24(2), 184–200. <https://doi.org/10.1108/10444061311316799>
- Thomas, K. W., & Kilmann, R. H. (1978). Comparison of four instruments measuring conflict behavior. *Psychological Reports*, 42, 1139–1145. <https://doi.org/10.2466/pr0.1978.42.3c.1139>
- Todorov, E.-H., Paradis, A., & Godbout, N. (2021). Teen dating relationships: How daily disagreements are associated with relationship satisfaction. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(8), 1510–1520. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01371-2>
- Weijters, B., Baumgartner, H., & Schillewaert, N. (2013). Reversed item bias: An integrative model. *Psychological Methods*, 18, 320–334. <https://doi.org/10.1037/a0032121>
- Williamson, H. C., Hanna, M. A., Lavner, J. A., Bradbury, T. N., & Karney, B. R. (2013). Discussion topic and observed behavior in couples' problem-solving conversations: Do problem severity and topic choice matter? *Journal of Family Psychology*, 27, 330–335. <https://doi.org/10.1037/a0031534>
- Zanella Delatorre, M., Scheeren, P., & Wagner, A. (2017). Marital conflict: Evidences of validity of a Conflict Resolution Scale in couples in Southern Brazil. *Avances en Psicología Latinoamericana*, 35(1), 79–94. <https://doi.org/10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3742>

Опросник неэффективного решения конфликтов

Инструкция. Ниже приведены описания разных проявлений конфликтов, с которыми сталкиваются люди в близких отношениях. Укажите, насколько хорошо каждое утверждение соответствует Вашим отношениям (по шкале от 1 — «совершенно не соответствует» до 5 — «полностью соответствует»).

Утверждения	1	2	3	4	5
1. К концу спора мы полностью и в равной мере выслушиваем друг друга.					
2. Когда мы начинаем ссориться или спорить, я думаю: «Ну вот, опять».					
3. В целом, я бы сказал(а), что мы неплохо решаем наши проблемы.					
4. Наши споры остаются неоконченными и нерешенными.					
5. Мы по несколько дней не можем устранить наши разногласия.					
6. Наши споры, похоже, заканчиваются тупиком, вызывающим разочарование.					
7. Нам нужно улучшить то, как мы урегулируем наши разногласия.					
8. В целом, наши споры непродолжительны и быстро забываются.					

Ключ: 1*, 2, 3*, 4, 5, 6, 7, 8* (обратные задания помечены знаком *).

Опросник стилей решения конфликтов

Инструкция. Используя шкалу от 1 — «совсем не свойственно» до 5 — «очень свойственно», оцените, насколько Вам свойственно в ходе споров и разногласий с партнером вести себя так, как описано ниже.

Насколько Вам свойственно в ходе споров и разногласий ...	1	2	3	4	5
1. ...начинать личные нападки.					
2. ...рационально обсуждать пути решения проблемы.					
3. ...хранить продолжительное молчание.					
4. ...соглашаться во всем, избегая обострения конфликта.					
5. ...взрываться и терять контроль.					
6. ...садиться и конструктивно обсуждать разногласия.					
7. ...после некоторого предела замолкать и отказываться разговаривать дальше.					
8. ...быть слишком уступчивым.					
9. ...увлекаться и говорить то, что не имелось в виду.					
10. ...искать альтернативы, приемлемые для каждого из нас.					
11. ...выгонять партнера, гнать его/ее от себя.					
12. ...не отстаивать свою позицию.					
13. ...переходить к оскорблениям и упрекам.					
14. ...вести переговоры и идти на компромиссы.					
15. ...отдаляться, демонстрируя отстраненность и отсутствие интереса.					
16. ...уступать, не пытаясь представить свою точку зрения.					

Ключ (все задания прямые):

Вовлекающий стиль: 1, 5, 9, 13.

Позитивный стиль: 2, 6, 10, 14.

Отстраняющий стиль: 3, 7, 11, 15.

Уступчивый стиль: 4, 8, 12, 16.